

700 лет обретения
Толгской иконы Божией Матери
1314 г. — 2014 г.

Тропарь

Толгской иконе Пресвятой Богородицы

Днесь светло сияет на Тóлге / образ Твой, Пречíстая
Дéво Богорóдице, / и, я́ко со́лнце незаходíмое, /
всегда́ вёрным подаде́ся, / Егóже ви́дев на возду́се, /
невíдимо А́нгелы, я́ко никíм, держíма, / преосвя-
ще́нный епископ гра́да Ростóва Трифон / тече́ ко яв-
ле́нному светя́щемуся столпу́ о́гненну, / и поводáм,
я́ко по сýху, прейде, / и моля́шеся Ти вёрно о пáст-
ве и о лю́дех. / И мы, к Тебе́ притека́юще, зовём: /
Пресвятáя Дéво Богорóдице, / вёрно Тя сла́вящих
спасáй, / страну́ нашу, архиере́ев / и вся Росси́й-
ския наро́ды от всех бед избавля́й / по вели́цей Твое́й
мíлости.

Тимофей Веронин

Толгское чудо

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2014

Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 13-311-1835

Веронин Тимофей

В31 Толгское чудо. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. — 72 с. : ил.

Ростово-Ярославская земля славна и богата святыми угодниками Божиими. Давно, в XV веке, там жил святитель Трифон, епископ Ростовский, в XVI столетии – преподобный Иринарх. Святостью жизни, любовью к Богу и людям, христианскими подвигами заслужили они у Господа дар чудотворения. Но не только в те далекие времена исцеляли они больных, помогали людям во всех их нуждах, совершали чудеса... Наша повесть рассказывает о том, как с пятнадцатилетним мальчиком Алешей, который по стечению обстоятельств попал в исправительную колонию, случается настоящее чудо. Чудо встречи со святыми. Из этой книжки вы также узнаете, почему это чудо называется Толгским.

© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2014
© Веронин Т., текст, 2014
© Ионова Л., иллюстрации, 2014

ISBN 978-5-88017-416-4

Дорогие читатели,

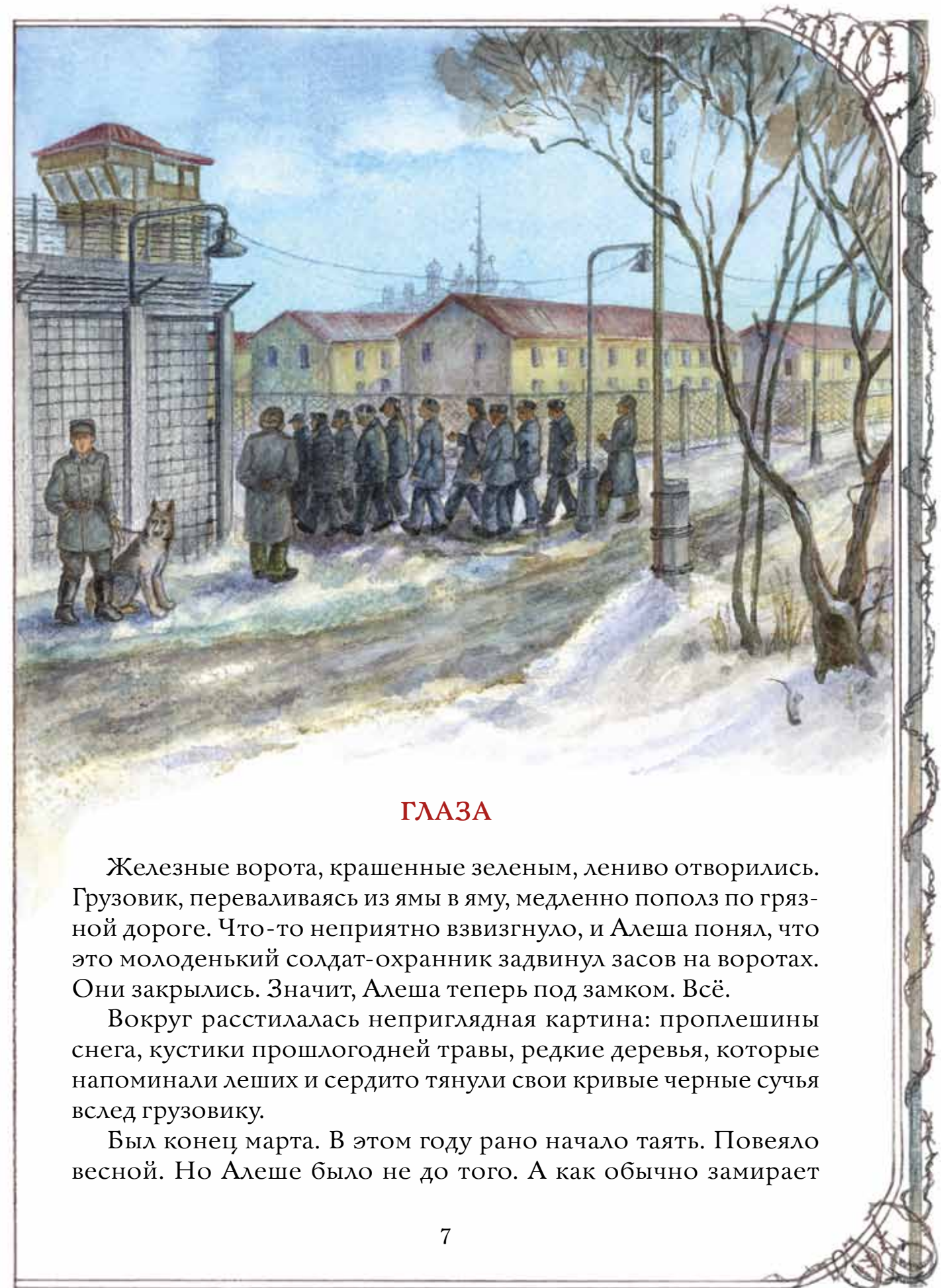
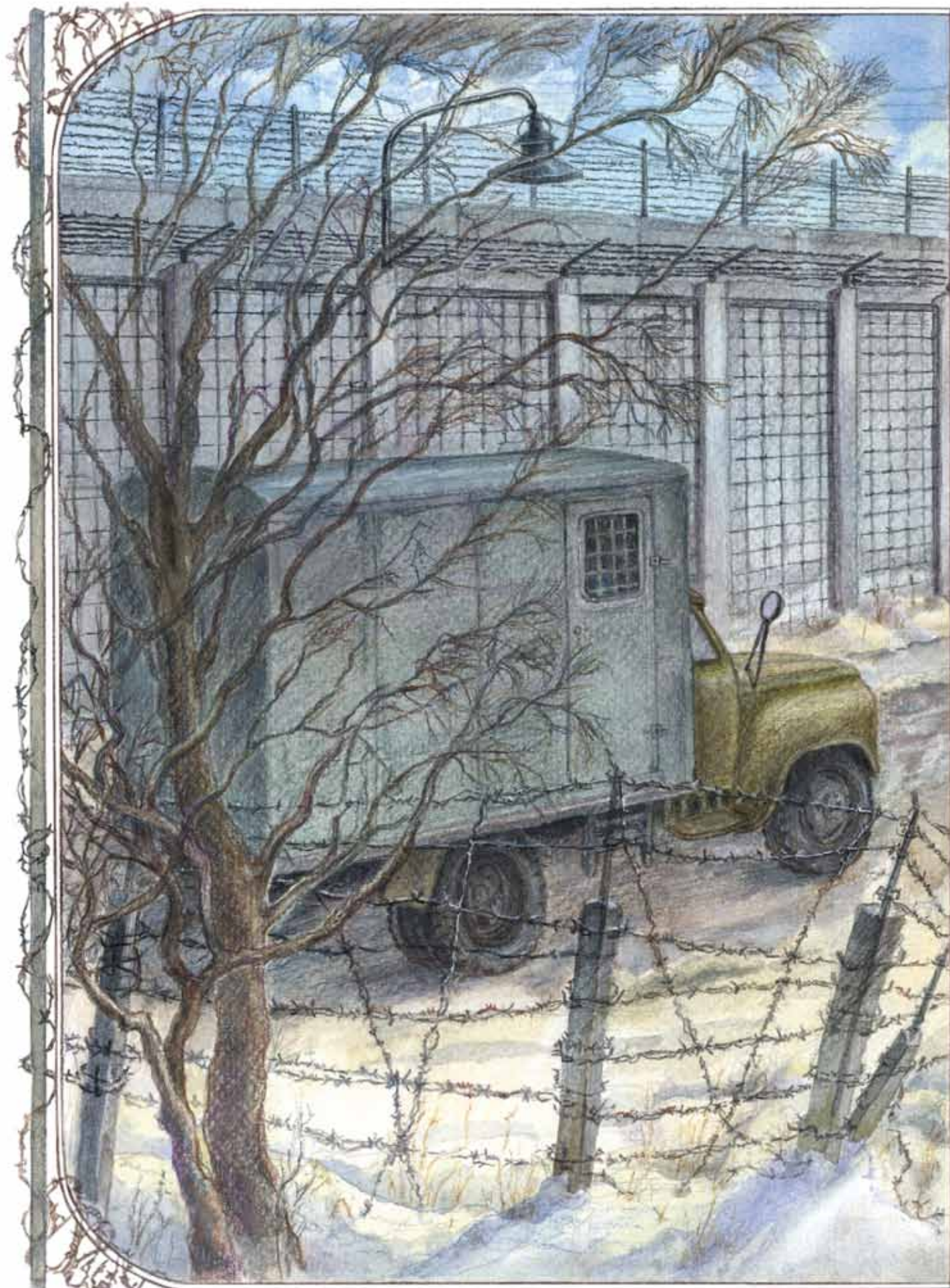
а знаете ли вы, что еще совсем недавно были такие времена, когда на крышах храмов росли березки и в монастырях могли располагаться детские исправительные колонии? Так было в знаменитом Толгском монастыре под Ярославлем. Но «храм оставленный – всё храм»¹, и монастырь, где живут малолетние преступники, может стать местом встречи с Богом и его святыми.

Из повести вы узнаете, как пятнадцатилетний Алеша, художник и мечтатель, по несчастному стечению обстоятельств оказался в такой колонии и встретил... преподобного Иринарха, святителя Трифона Ростовского и других святых. В его жизни вспыхнул новый свет. Свет веры. Конечно, события, описанные в этой повести, совершенно невероятны. Невероятны, но все же возможны, потому что Господь и святые Его рядом с нами. Эта история – вымысел, авторская фантазия, но кому не известно, что «сказка ложь, да в ней намек»². И здесь есть намек на несказанную радость общения с миром вечности, миром Божественной любви и милости.

Рассказ о дальнейшей судьбе Алеши, о святителе Димитрии Ростовском, преподобном Авраамии, блаженном Исидоре и других ростово-ярославских святых будет продолжен в книге «На восходе солнца».

¹ Лермонтов М. Ю. Расстались мы, но твой портрет...

² Пушкин А. С. Сказка о золотом петушке.

ГЛАЗА

Железные ворота, крашенные зеленым, лениво отворились. Грузовик, переваливаясь из ямы в яму, медленно пополз по грязной дороге. Что-то неприятно взвизгнуло, и Алеша понял, что это молоденький солдат-охранник задвинул засов на воротах. Они закрылись. Значит, Алеша теперь под замком. Всё.

Вокруг расстилалась неприглядная картина: проплешины снега, кустики прошлогодней травы, редкие деревья, которые напоминали леших и сердито тянули свои кривые черные сучья вслед грузовику.

Был конец марта. В этом году рано начало таять. Повеяло весной. Но Алеше было не до того. А как обычно замирает

сердце от этих ручейков, от этой капли, от этих первых ласковых лучиков солнца! Оно ведь только сейчас начинает греть. Чувствуешь его теплое прикосновение. Около школы в это время появляется огромная лужа. Целое озеро. Так и тянет соорудить какой-нибудь плот и устроить морской бой с Игорьком или Вадиком Красовским.

Но нет уже рядом с Алешей ни того, ни другого. А хмурые лица ребят, сидящих с ним в кузове грузовика под брезентовой крышей, такие чужие и страшные. И среди них ни одного, с кем Алеша хотел бы заговорить. Они все словно из другого мира.

«Бр-бр...» — грузовик подскочил на очередной кочке. Алеша невольно ткнулся головой в плечо соседа.

— Ну ты, полегче, — гаркнул Алеше в ухо рослый парень лет шестнадцати, сунув здоровенный красный кулак ему в нос. — Держаться надо.

Из носа сразу же потекла кровь. Алеша вспомнил, как сильно разбил его года четыре назад, но тогда мама еще была рядом, и все в его жизни было совсем по-другому. Он тогда ходил на фигурное катание. Правда, без особого желания. «Девчачье это все», — думал он. Одно только нравилось: пить после занятий апельсиновый сок в буфете спортивного комплекса, заедая его песочным кольцом с орехами или эклером. Эклером, пожалуй, лучше, чем кольцом. Кольцо, оно слишком сухое и не такое сладкое. Об лед он тогда ударился со всего маху. С тех пор стоило только Алеше хоть немного стукнуться носом, как начиналось кровотечение.

Алеша принялся утирать кровь рукавом. Она все никак не останавливалась. Потом глянул вокруг. Парень довольно улыбался.

— Ишь ты, селедка! Кран-то выключи, — добавил он, и остальные вокруг одобрительно загоготали.

Алеша скользнул взглядом по лицам, по смеющимся ртам: они все против него. Он сжал свои кулаки, хотел броситься на парня. Но тут увидел в противоположном углу глаза. Да, только глаза. Но этого было достаточно. Они сочувствовали ему. Они, эти глаза, не смеялись. Они смотрели печально и с любовью. Алеша и у мамы не мог припомнить такого взгляда. Все последние месяцы жизни с ней он слышал только попреки, мама так часто кричала на него. Глаза ее становились колючими.

Особенно если она ссорилась с отцом. А с отцом они ссорились всегда, когда он приходил. А приходил он где-то раз в две недели. Приносил в белой картонной коробке какие-то пирожные. Эклеры? А может быть, песочные кольца или миндальные? Уже забылось. Он подсаживался к Алеше. Они играли в шахматы или настольный хоккей, а потом отец шел на кухню к маме. И оттуда вскоре начинал доноситься крик. Отец спешно надевал пальто и слетал по лестнице.

Да, папа не жил вместе с мамой. Уже много лет. Алеша где-то в глубине памяти хранил воспоминание о тех временах, когда они были вместе: и папа, и мама, и сестра Лена, которая была старше его на десять лет. По воскресеньям они ездили гулять в парк или шли в музей. Алеше было тогда лет шесть, но ему нравились эти полутемные залы с витринами, где за стеклом лежали монеты, или полуистлевшие бумаги, или пожелтевшие зубы мамонтов. Алеша любил тогда картинные галереи. Ему нравились потрескавшиеся от времени масляные пейзажи. Особенно — большие золотые рамы. Алеше казалось, что эти рамы волшебные: если их коснуться, можно превратиться в заморского принца в серебряных туфлях и с такими вот, как у рамы, золотыми розами на кафтане. И тогда начнется самая настоящая сказка. Но сказка не начиналась.

Лена в восемнадцать лет уехала в другой город и почти не писала, не звонила. Мама часто жаловалась на это своей подруге тете Лёле, к которой они иногда ходили в гости.

А папа? Он вдруг исчез на целый год, а потом стал появляться с белой картонной коробочкой не больше одного раза в две недели. Так что они с мамой остались одни. И она так часто глядела на него чужими колючими глазами...

А эти глаза были совсем другие. Грустные, серьезные, они смотрели с любовью и словно всё понимали. Но чьи они? И почему так глядят на него? Алеша замер, как будто никого не было вокруг: только он и эти глаза. Они звали к себе.

Грузовик вдруг подпрыгнул, затормозил. Дверь кузова с грохотом открылась, и мальчики посыпались на землю. Алеша прыгнул вместе со всеми, все еще утирая нос. На секунду он остановился и оглянулся.

Первое, что бросилось в глаза, — это забор из гладких бетонных плит. Он тянулся вокруг них, огораживая какое-то поле, кусты прошлогодней травы, лужи, ямы. Эти плиты очень холодные и тяжелые. А поверх плит — что было самым страшным — проходила колючая проволока. Похожие на отвратительных жуков, щетинились на ней острые колючки. «Как в фильмах про немцев, — пронеслось в голове у Алеши, — про концлагерь».

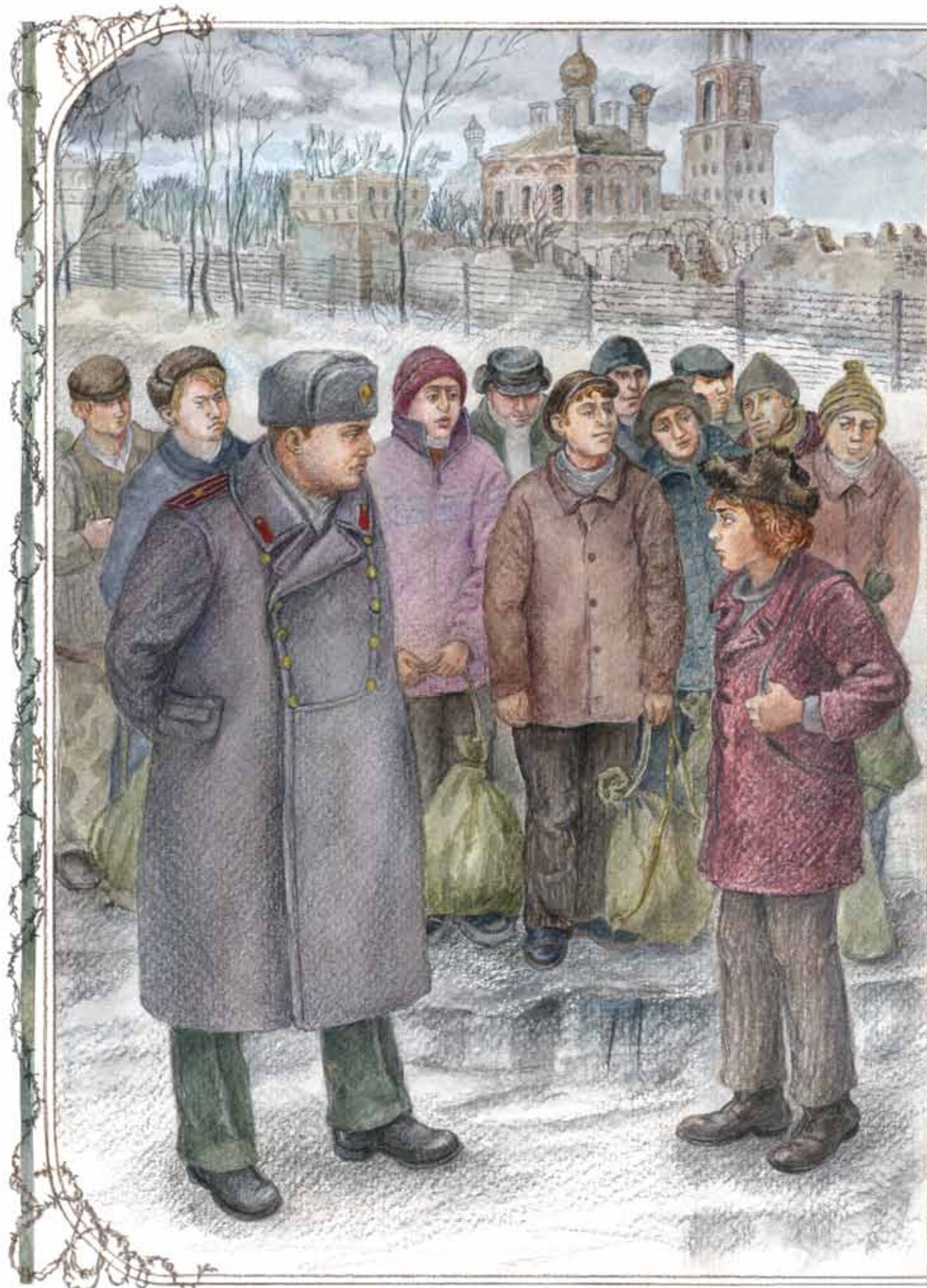
Да, теперь он был за забором, за колючей проволокой. Он, тот самый Алеша, который в детстве рисовал такие картины, что его прочили в настоящие художники. «Одаренный мальчик», — кивали в его сторону взрослые.

Он стал с силой тереть ладонями перепачканное кровью лицо. К горлу подступал комок. Еще немного — и он разревется, как

это делает только всякая мелюзга. Нет, нельзя реветь. Его тогда парни точно ни во что ставить не будут. Но комок в горле рос и рос. Еще чуть-чуть — и он зайдется в крике, в слезах, всё-всё, что наболело, выплечет. Но нельзя ни в коем случае, разреешься — так тебе еще в нос сунут.

И тут он опять увидел те глаза. Они глядели на него откуда-то сверху. На самом деле они были невидимыми. Но он их видел. Они слагались из тумана и синих просветов в сером небе. На этот раз глаза глядели на него почти с неба. Остановились над какими-то развалинами и глядели. Что это за развалины? Невысокие стены, словно крепость какая-то, но для настоящей крепости низковаты. Стены обвалились, на них следы штукатурки, а так — торчат посеревшие кирпичи. Так что это? Алеша на секунду задумался. Неведомые глаза еще раз согрели его тихим взглядом и растворились в сером небе.

С ЧЕГО ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

— Стройся! — раздалась отрывистая команда. И все доставленные в грузовике мальчишки спешно выстроились в ряд.

Алеша стоял одним из последних. Он был небольшого роста, хотя по возрасту (ему минуло пятнадцать) далеко не самый младший. Вышел начальник, маленький и толстый майор, и долго что-то говорил вновь прибывшим. О правилах поведения, о распорядке дня, о необходимых работах. Но Алеша не мог его слушать. Стоя плечом к плечу с другими, такими же, как он, мальчишками, он глядел то на развалины, то на длинный забор с колючей проволокой, то на серые проплешины снега и ворон, которые вышагивали среди сухой травы. Они были похожи на начальников, когда те ходят, заложив руки за спину и важно кивая. Именно так говорил с ребятами тот майор. Вороны как будто специально его передразнивали. Алеша невольно улыбнулся.

— Эй ты, пацан, третий с конца, чего лыбишься? — вдруг оборвал свою речь начальник. — Три шага вперед. Повтори, что я только что сказал.

Алеша сделал пару шажков вперед и молчал, опустив голову.

— Я что, непонятно говорю? Три шага вперед! Ну-ка обратно в строй, и снова — три шага вперед. Все тебя ждут, а ты тут как чурбан.

Алеша попятился назад и снова вышел, на этот раз на три шага.

— Разве так шагают? Ты что, курица? — брезгливо поморщился майор. По строю пробежал смешок.

— Отставить! Вы что тут, в цирке? Чтоб я смеха не слышал. Вы сюда что, развлекаться прибыли? Равняйся! Напра-а-а-во, шагом марш! — скомандовал майор, и ребята повернулись кто направо, кто налево.

— Отставить! Ты, — указал майор на Алешу, — ты, ты, ты, — тыкал пальцем он еще в нескольких ребят, которые неправильно выполнили команду, — выйти из строя! Вы сегодня без ужина, до вечера мыть уборные, поняли? Товарищ сержант,

отведите их куда надо, — обратился майор к молоденькому конвоиру.

Наказанные отправились вслед за сержантом. Свои мешки они оставили в общей комнате длинного барака. Им вручили ведра и тряпки. Колонка с ледяной водой была у дверей барака. Наполнив ведра, ребята потащились за сержантом. Он указал пальцем, куда кому идти. Алешу втолкнули в длинный деревянный туалет, находившийся у самого входа в развалины. Красными, замерзшими руками Алеша стал водить по доскам. Ему было дурно от голода и плохого запаха. Он едва держался на ногах. И с ужасом косился на дырки в досках. Только бы туда не свалиться. И тут услышал, как звякнул крючок на двери. Он потряс дверь. Ее запер кто-то снаружи. Алеша застучал.

— Посиди, сопляк, ума наберись, — услышал Алеша голос того парня, который разбил ему нос. Алеша сник. Это было уж слишком. Подня пути в тряском грузовике, разбитый нос, колючая проволока и серый забор — все это встало перед его глазами.

А до этого — два года жил он в каком-то тумане. Он убежал от матери, когда познакомился с Петькой Орехом и Василием. Они уехали из Москвы в Ярославль. Добирались на электричках. Сначала до Александрова, а от Александрова до Ярославля. От контролеров убегали по вагонам. Потом жили в Ярославле, в подвале старого желтого дома на улице Некрасова. Там тепло от труб и даже уютно. Василий уже не первый раз останавливался в этом подвале. Он был среднего роста, коренастый, совсем взрослый. Ему было двадцать. А Ореху шестнадцать. Но у него уже усы росли. Ох, как он гордился этими усами!

Год Алеша прожил с ними. Весь Ярославль они облазили. Василий знал все ходы-переходы. В квартиры забирались, на склады, в магазины. Василий воровал, кое-что мальчишкам давал, на прокорм. А так они ему неизвестно зачем нужны были. Один раз только сигнализация сработала. Тогда вот и поймали бедолагу. Алешу да Ореха. Василий-то успел спрятаться. Ловкий парень. Алешу на учет поставили в милицию. Отослали в Москву, к матери.

Он помнил тот вечер. Мамины глаза. Они были полны удивления, радости, злости, любви... Она била его тогда чем попало. Кричала, плакала. А он спасся только тем, что заперся в ванной

и лил воду, чтобы она не слышала его плача. И все-таки он решил жить с ней. Мама была больна, душа у нее была раненая, больная душа. Бывает, тело болит, рука, нога, сердце. А бывает, болит невидимая душа. И тогда не знаешь куда деться. И мама Алеша не знала. Все шагала из угла в угол или ожесточенно печатала на машинке, худая, рано поседевшая. Она была переводчицей с итальянского. Ее комнатка в пятиэтажке больше походила на какую-то берлогу. На полу слой пыли, стопки черновиков, старые тряпки. Книги никогда не стояли на полупустых полках, а лежали высокими башнями на подоконнике, столе, даже на кровати. Но Алеша любил эту комнату. Ему нравился лихорадочный стук машинки. Так же, как нравился запах в мастерской отца. Отец редко приглашал его к себе. Мастерская располагалась на чердаке со скошенными стенами, она тоже была вся завалена, но как-то по-другому. Она была красиво завалена. Там пахло маслом и скипидаром. Еще немного пахло иностранным табаком с какими-то ароматическими добавками. Этот запах был тоже красивым. Только сейчас уже мастерской не было. Отец неожиданно уехал в Америку. Вернее, его заставили уехать. Он был талантливый художник, но не хотел писать по заказу. В те времена так бывало: художников, писателей заставляли уезжать из России, вернее, из СССР, так ведь называлась страна, где жил Алеша. Он тогда не смог проститься с отцом, потому что жил в Ярославле. «Жил» — нет, это слово не подходит. Он не жил, он пребывал в каком-то полусне, гипнозе. Василий что-то втолковывал ему про жизнь лихих разбойников, про Стеньку Разина. Алеша переносился воображением в прошлое, представлял челны, весла, паруса, веселые разбойничьи песни. А когда они лезли в чей-нибудь дом, он представлял себя Робин Гудом. Лишь однажды стало ему не по себе: в одном доме он увидел икону, с которой на него смотрели глаза, темные, печальные, полные невыразимой любви.

«Постой, постой, — восторженно вскрикнул Алеша, — а не эти ли глаза я видел сейчас, здесь?» И сердце его стало биться так сильно, как тогда в том доме перед иконой. Ему было стыдно и страшно смотреть на икону, и в то же время какая-то сладость разливалась в душе, захотелось к ней прикоснуться, раствориться в ней, в этой иконе, в этих глазах.

Он перестал бить в холодную деревянную дверь, бросил тряпку, сел на перевернутое ведро и обхватил голову руками. Прошое продолжало незаметно всплывать в памяти.

После того как Алеша вернулся из Ярославля, он не хотел жить прежней жизнью. Он ведь совсем другой, он, как отец, будет художником. Алеша нашел свои кисти, краски, стал рисовать, но картины выходили какие-то мрачные, темные. И все же он рисовал. Мама долго не могла с ним разговаривать. Но как-то вечером все-таки пришла, присела в углу на табуретку и стала смотреть, как Алеша возился с красками. Потом тихо спросила:

— Можно? — и, когда Алеша кивнул, стала раскладывать его новые работы на полу и глядела на них долго-долго. Потом встала порывисто, обняла Алешу, как прежде.

— Бедный мой, бедный, что же с тобой? — стала она гладить его длинные нечесанные волосы, а он, как волчонок, вывернулся и отскочил от нее.

Мама уговорила Алешу отправиться в школу. Его там приняли прохладно, но терпимо. Учителя глядели на него как-то странно и редко спрашивали, словно боялись, а ребята явно уважали. Это Алеше понравилось. Кое-кому он стал рассказывать про свою разбойничью жизнь, про подвал в желтом доме на улице Некрасова в Ярославле, про Василия. Все это казалось уже давным-давно прошедшим, легендой, сказкой, которую можно было с приукрашиваниями и выдумками пересказывать всем напропалую.

Алеша втянулся в нормальную жизнь, стал, как прежде, разговаривать с мамой и снова пошел в художественную школу, где ему оставалось учиться год. Учитель по рисунку очень хвалил его, а преподавательница по живописи удивлялась, что он научился писать ярко и сочно, как прежде.

— Это поразительно, — говорила она в учительской. — Что с Алешей Ждановым случилось? Он совершенно перестал чувствовать цвет. Вот что значит переходный возраст...

В «художке» никто не знал про его побег и подвиги, считали, что он серьезно болел, а потом был на санаторном лечении. А ведь он и в самом деле болел. Только вот на лечении не был. Да и нет от такой болезни лечения. Или все-таки есть?

Этот жуткий год стал уже совсем забываться, когда Алеша вдруг снова встретил его... да-да, его, Василия. Алеша возвращался из «художки» домой, свернул за угол высокого дореволюционного дома, и тут кто-то сгреб его в объятия.

— Алешка! Это ж я, Василий. Слышь, соскучился, небось? Пойдем со мной, ты мне как раз нужен. Дельце есть.

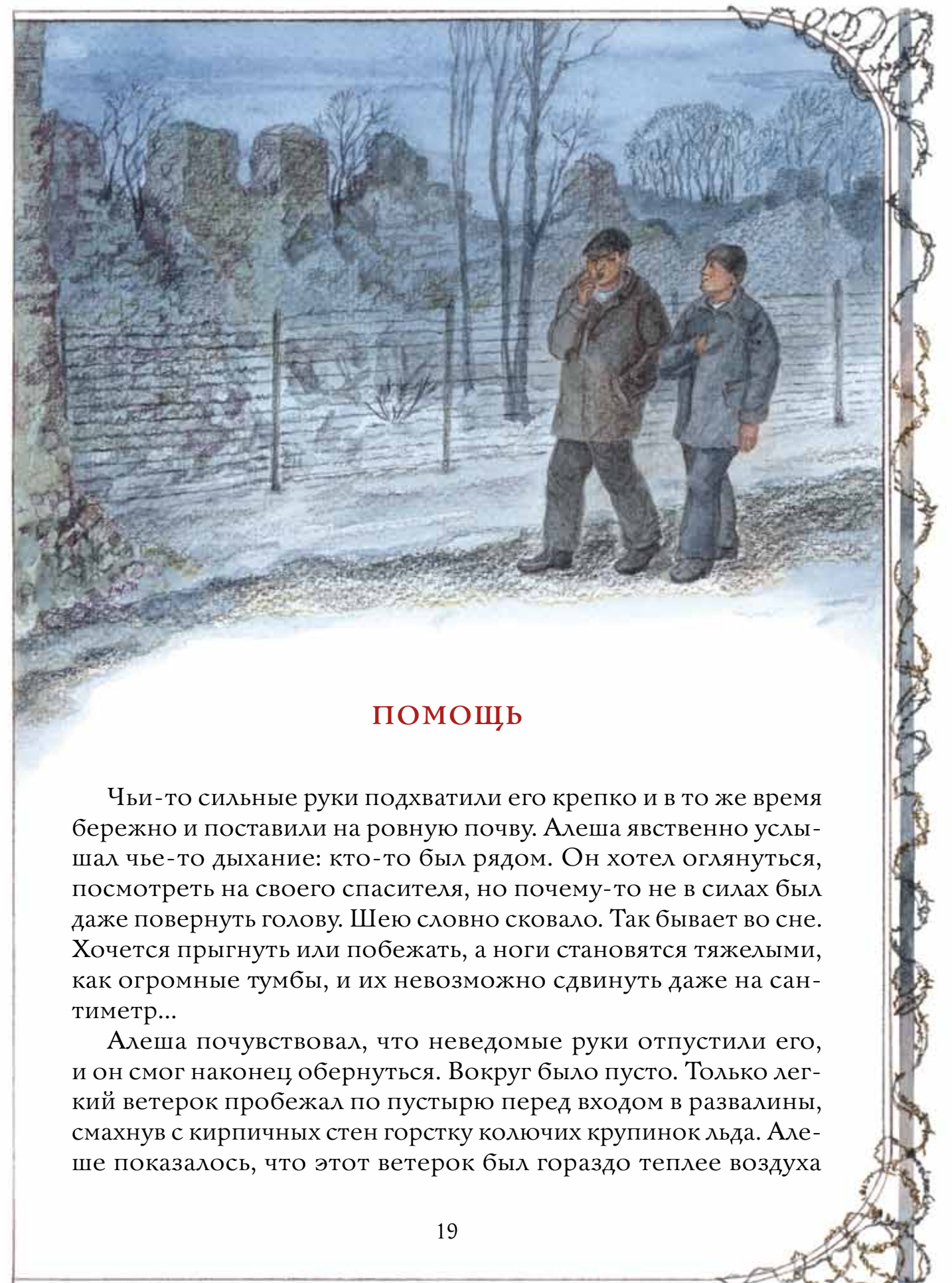
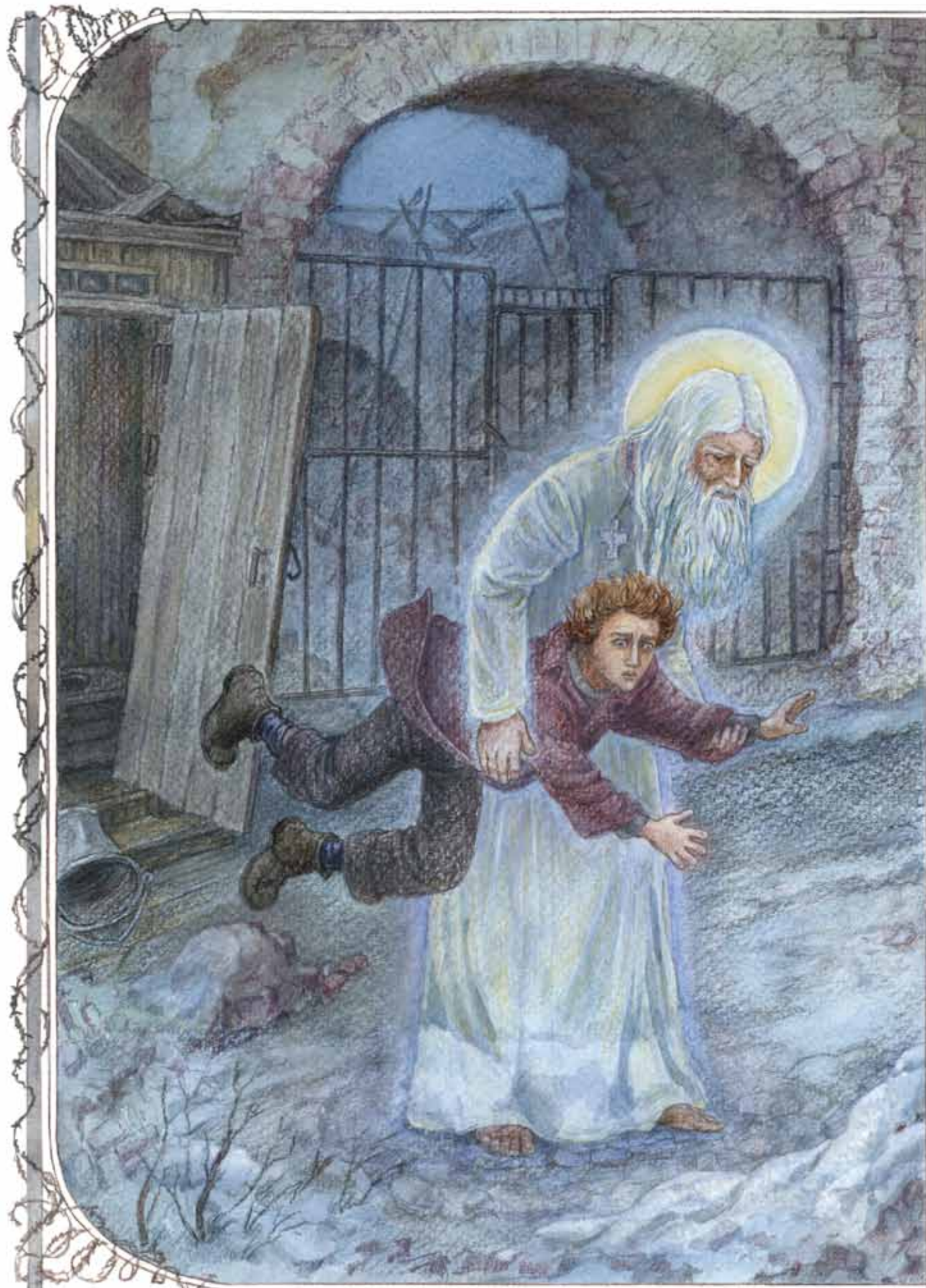
— Нет, нет, — стал высвобождаться из его рук Алеша, — я не буду, не могу, я все, я с мамой, я буду художником.

— Ну, ты что замямлил, спятил, что ли? С мамой он! Поглядите на него. Ты ж бандит, разбойник, ты ж настоящий вор, куда тебе художником! Ну-ка, пойдем со мной, маму забудь, у нее и без тебя хлопот хватает.

Алеша хотел вырваться, убежать, но Василий сбил его с ног одним ударом. Потом поднял и повел. А дальше? Дальше — пошло-поехало. Василий умел держать Алешу при себе. Алеша чувствовал, что никуда ему не деться от этой страшной власти. Несколько раз он хотел бежать от Василия, но тот, сам или с помощью друзей, находил Алешу и заставлял его участвовать в своих темных делах. Однажды, когда они вскрывали какой-то ларек, опять сработала сигнализация. Понаехала милиция. Василия и след простыл, а вот Алешу и еще двух пареньков схватили. Тут уж учетом не отделаешься. Был суд. Приговор. Три года в исправительной колонии для несовершеннолетних. И вот ирония судьбы: Алеша знал, что из Москвы его повезут куда-то под Ярославль, на родину его разбойничьей жизни. Там где-то недалеко от города есть колония. «Исправительная колония», — прозвучало в голове.

— Колония, — повторил Алеша.

Сколько раз он слышал эти слова от ребят, которых держал около себя Василий, от милиционеров, слышал и в суде. А все же не представлял себе, что это такое. А теперь — вот она, колония. Холодные, мокрые доски, красные от холода руки, снаружи крючок, а дальше — бесконечный забор и колючая проволока. И парни, такие чужие и страшные, готовые поднять на смех в любой момент. И майор, который не прочь поиздеваться. И нет ниоткуда помощи. Нет. Нет. И Алеша снова стал трясти дверь. Она неожиданно распахнулась, и он бы разбился о булыжники, лежавшие у самой двери, если бы...

ПОМОЩЬ

Чьи-то сильные руки подхватили его крепко и в то же время бережно и поставили на ровную почву. Алеша явственно услышал чье-то дыхание: кто-то был рядом. Он хотел оглянуться, посмотреть на своего спасителя, но почему-то не в силах был даже повернуть голову. Шею словно сковало. Так бывает во сне. Хочется прыгнуть или побежать, а ноги становятся тяжелыми, как огромные тумбы, и их невозможно сдвинуть даже на сантиметр...

Алеша почувствовал, что неведомые руки отпустили его, и он смог наконец обернуться. Вокруг было пусто. Только легкий ветерок пробежал по пустырю перед входом в развалины, смахнув с кирпичных стен горстку колючих крупинок льда. Алеше показалось, что этот ветерок был гораздо теплее воздуха

и пах так приятно... нет, не так, как ароматизированный табак отца, по-другому: слаще, красивей, чудесней...

Алеша замер. Он поднял глаза и заметил в белесом небе очертания женской фигуры. На руках у нее был маленький... Сынок, наверное. Сумерки уже окутали землю. А в сумерках чего не увидишь?

— Эй, тихоня, ты как выбрался-то? Крючок, что ли, сломал? — услышал Алеша голос парня, разбившего ему нос.

— Да ты, Гребень, просто плохо запер. Давай его еще посадим, пусть посидит, молокосос, — проговорил другой голос.

— А может, и тебя заодно, — отозвался Гребень и принялся заталкивать Алешу и парня обратно в дверь. У Алеши не было сил сопротивляться, а его товарищ по несчастью упирался вовсю.

— Эй, мелкота, что тут бузите? Не успели поступить, а уже свои порядки наводите? — прогреготал вдруг чей-то голос. Перед мальчишками стояли три рослых парня, явно бывалых.

— А ну, бей новеньких! — крикнул один из них. Гребень кинулся бежать. А Алеше и другому мальчишке досталось бы крепко, если бы вовремя не появился сержант.

— По местам, парни. Ну что, справился с задачей? — кивнул он Алеше. — Теперь можешь идти. Товарищ майор разрешил вам поужинать, а потом спать.

Так что ужин Алеше все же достался. В бараке было десять комнат. В каждой человек по восемь ребят. Зябко и страшно было Алеше под тонким колючим одеялом. Соседи долго шушукались, гоготали, потом утихли. У Алеши отлегло от сердца. Все спят. Можно побыть в тишине одному, еще подумать. Впрочем, думать не о чем. Вспоминать прошлую жизнь не хотелось, о маме думать было страшнее всего: что с ней? Все так же нервно шагает по комнате, заваленной книгами, или... Вот это «или» было самым страшным. Но еще невыносимее было думать о будущем. Будущего у Алеши не было. Какая-то черная яма или серая стена, по которой надо карабкаться и в итоге обязательно упадешь. И нет никого, кто мог бы помочь.

— Нет никого, кто мог бы... — прошептал Алеша и вдруг ощутил на себе какой-то груз. Что-то сжало его лицо, не давало дышать, стискивало, сминало. Он стал вертеться во все сто-

роны, чтобы хоть чуть-чуть вдохнуть. Ему удалось на секунду вырваться. Он вобрал в себя как можно больше воздуха и увидел вокруг себя лица парней. Они довольно усмехались, а потом снова накрыли его подушкой. В глазах потемнело. И не было никого, кто мог бы помочь.

— Шухер! — раздался голос одного из парней. Все разбежались. В комнату вошел сержант. Посветил фонариком. Мальчишки старательно сопели, закрыв глаза. Только Алеша сидел на постели и растерянно смотрел на свет фонарика.

— Ты что, в карцер захотел? Почему не спишь? — грозно пробасил сержант.

— Товарищ сержант, я не могу, заберите меня отсюда, — пролепетал Алеша совсем по-детски, словно ему было лет шесть.

Он хотел было рассказать, как его чуть не задушили, но потом опомнился. «Нельзя, — решил он, — если расскажу, тогда мне конец».

— Ничего, — вдруг смягчился сержант, — попервой так бывает, а потом проходит. Стерпится — слюбится. Спи, парень.

Сержант ушел. Алеша накрылся с головой колючим одеялом и затих. Сейчас они снова будут мучить его. Ему казалось, что он слышит их шаги, шушуканья, тихий смех. Сейчас, сейчас... Вот они уже совсем рядом, и кто-то касается его рукой...